

(От автора: Bassnectar & HAILO — Surrender ft. Haley Слушая эту музыку, погружался и черпал вдохновение, вдруг кого заинтересует;))

Пробуждение было резким от ноющей боли в спине. Еще сонная, Харуна не сразу поняла происходящее. И, пожалуй, девушка провела бы это утро в теплой постели, если бы не зудящая боль, которая с каждой секундой нарастала.

Повязка, закрывавшая свежую рану, кровоточила и на помятом футоне остались свежие следы. Стремительно приподнявшись, Харуна издала слабый звук. Движение настолько отдало болью, что девушка не сразу вдохнула.

Кое-как, заняв сидячее положение, она на минуту уставилась в никуда, перебирая последние события, ей было о чем подумать...

Первые дни, выбитая из колеи, Харуна не воспринимала всё так, как надо. При попытке вспомнить, ей очень трудно удается уловить отголоски воспоминаний. В основном же всё как в тумане — неясно и размыто.

Но несмотря на неясность воспоминаний, привкус смешанных чувств до сих пор присутствует где-то глубоко внутри.

Тишина в палатке действует успокаивающе. И дремавшие чувства, будто и ждали, когда к ним прикоснутся.

Проведя последнее время в недуге, девушка много спала. Но даже будучи в сознании, ей было проще не думать, не затрагивать события, собирая последствия по кусочкам.

Пробужденные чувства волнами обхватывали её. Действуя как спиртное, медленно затуманивая разум и заостряя внимание на одном...

Безмолвный крик пропадает в тишине палатки, и лишь после, тело Харуны бьет мелкая дрожь.

Осознание случившегося выбивает дух из девушки. И в этой смеси чувств она отчетливо улавливает ощущение стыда. Пораженная этим открытием, Харуна силится понять его причину.

Последствия битвы тяжким грузом лежали на сердце. Ведь это она, Харуна, была ответственна за всё. И по её вине погибло столько людей...

Она может обманывать других и даже Кенсина. Но себя ведь не обманешь. Битва была проиграна. Ведь чего стоит такая победа, где ты теряешь больше половины своих людей?!

Девушка шумно вдыхает, на минуту забыв дышать. Боль в спине не ощущается так остро, но и не исчезает насовсем.

Ей стыдно, что приходится прибегать к столь низкой хитрости. Она не настолько сильна, чтобы открыть всему миру правду, сказать, что она проиграла. Не зависимо от ситуации и обстоятельств...

Раньше ей чудилось, что остался всего лишь шаг для достижения мечты. Она влекла её за собой, окрыляя и предавая сил. В своем тщеславии, Харуна соревновалась с выдающимися людьми своей страны. С людьми, о которых сейчас остались лишь предания и сказания.

Лести низших и вассалов притупили её взор. В действительности, она находилась так далеко от того, чтобы современники признали её по праву великой...

Мысли о подвигах и величии витали еще в детстве.

В то время, когда мать Харуны носила её в своем чреве, клан Такеда воевал с грозным врагом, кланом Имагава. Была зима, и вскоре должна была состояться битва, от которой зависело благополучие клана.

Имагава превосходил в численности, и воинов Такеда это не могло не волновать. Но своим рождением Харуна отпугнула грозного врага. Так как люди сосчитали её рождение за доброе предзнаменование. Ведь боги сказали свое слово...

Эту историю девушка слышала много раз. И она была уверена в своей судьбе. В том, что ей предстоит вписать свое имя в историю.

От этих мыслей, Харуна быстро сорвала повязку. Боль тут же пронзила её тело.

— Харуна, ты что делаешь?

Шумно дыша, девушка силится увидеть подошедшего. Но из-за слез в глазах и яркого света, проникнувшего вместе с гостем, ей это не удастся.

— Боже, Харуна...

По голосу она сразу узнала своего стратега.

В руках Канске держал чашку. Быстро подбежав, парень начал намазывать лекарство на рану.

— Дурень, горячо...

— Терпи. Зачем ты содрала повязку? Но, к счастью, она не открылась.

Казалось, эти слова больше успокоили парня, чем её.

— И как?

— Шрам останется, но могло быть и хуже...

Услышав слова стратега, Харуна открыто смеется. Ведь девушка в последнюю очередь беспокоилась о себе, тем более о шраме.

Канске сидит позади нее и бережно ведет пальцами по спине. И Харуна знает, что парень в этот момент улыбается. Стратег не мог не беспокоиться о ней, и его шумный вздох укрепляет её в этом.

Девушка будто почувствовала, как со вздохом, тяжелые мысли Канске камнем упали с плеч...

— Канске...

— Да?

Харуна тщательно подбирала слова. Она не хотела невольно ранить стратега, но и не могла больше это в себе хранить.

— Рен... Она справилась с... ролью?

— Да.

Конечно, Харуна знала ответ. Ведь в противном случае, Уэсуги не ушли бы в Этиго.

Девушку, однако, волновало другое. Уверенность Харуны в себе стала улетучиваться, отчасти, из-за хитрости Канске.

В глубине души она даже жаждала, чтобы не только вассалы, но и враги, в лице Кенсина, не повелись бы на это. Не поверили бы в то, что стратегу удалось за один день поставить её на ноги.

«Неужели...», — думала она, — «меня так легко заменить? Неужели, я настолько посредственная?»

Подобные мысли затмевали разум. И девушка ничего не могла с собой поделать.

— Не волнуйся, никто ни о чем не догадался...

Не подозревая этого, парень вместо того, чтобы утешить её и придать сил, разжег огонь ярости.

— Меня так легко заменить?!

Несмотря на старания девушки, в голосе проскальзывали нотки, которые не остались незаметны стратегу. Его пальцы замерли, и, подобрав слова, он начал:

— Харуна, никто не может тебя заменить. И уж тем более не Рен...

— Тогда почему все поверили? Почему никто не усомнился?..

— Потому что наши воины боятся потерять тебя. Уэсуги поверили, потому что боятся...

— Скажи, ты ведь это говоришь, не потому, чтобы я почувствовала себя лучше?

Не колеблясь ни на секунду, стратег ответил.

— Нет. Я говорю как есть...

Сидя позади, парень не мог увидеть, как лицо девушки озарила улыбка. Ведь, если и был в её окружении человек, которому она абсолютно доверяла, то им был Канске.

— Что она сейчас делает?

— Мы перекрасили ее волосы в черное. Воинам же сказали, что ты в порядке, и тебе лишь нужно немного времени...

— А как же божественная помощь?

— Хоть никто этого не говорил, но в лагере все уверены, что лишь благодаря богам ты осталась в живых.

Девушка подумала, что спаслась от лезвия меча Кенсина не благодаря богам, а благодаря

подарку парня. Ведь это его веером она отбила тот удар...

Но вслух Харуна ничего не сказала. Она не привыкла быть обязанной, неважно, близкий ли этот человек или нет.

— Кстати, поздравляю. О тебе начали слагать песни.

— Что?

Ей показалось, что она ослышалась.

— Говорят, даже Уэсуги поражены твоей отвагой. Вы с Кенсином знамениты теперь.

Харуна кивнула головой, признавая - превратности судьбы взяли верх.

Разговор подействовал, и девушка постепенно начала приходить в себя. Присутствие Канске помогало ей. И хотя нельзя сказать, что она полностью оправилась, но всё же бывшая уверенность понемногу возвращалась. Ей всего лишь надо пережить этот день...

— Я не хочу, чтобы Рен больше играла мою роль...

В словах сквозила неподдельная обида, отчего ей стало стыдно.

— Больше в этом нет необходимости. Но что, если в будущем нам придется прибегнуть к этой хитрости снова?

Было чистой глупостью вести себя так, но в данный момент Харуна не могла иначе. Может, дело было в том, что она еще не собралась окончательно. Но так или иначе, сама мысль что кто-то мог заменить её, хоть и на время, выбивала её из колеи.

— Лишь в крайних случаях...

На минуту возникла тишина. И, поразмыслив над своими словами, Харуна робко спросила:

— Я, наверное, кажусь тебе жалкой?

Готовясь услышать ответ, девушка даже напряглась телом.

Выдавливая гной и прочищая рану, парень сдержанно ответил. К слову сказать, для него было непросто выговаривать слова будничным тоном. Ведь Канске еще ни разу не видел Харуной такой. Нет, не жалкой, а почти сломленной...

— Ни в коей мере. Харуна, ты самый сильный человек, с которым мне приходилось иметь дело...

— Раньше я ставила себя выше других правителей. Но посмотри на меня сейчас! Я далека, чтобы называться идеальным лордом...

— На мой взгляд, ты на правильном пути. Ведь тебе уже известны недостатки, которые надо побороть...

Канске в данный момент не только лечил телесную рану девушки, но помогал ей восстановиться духовно. А последняя фраза парня подтолкнула Харуну к мысли, что его слова верны. Верны в том, что она могла стать таким лордом, к которому стремилась. И раньше

истина ускользала от неё. Как показало время, цена за эту истину была непомерно высока...

Стратег сидел, не проронив и слова. Он, как никто другой, понимал, что Харуне нужно время, чтобы осмыслить случившееся и придти в себя.

Парень не подозревал, во что волеются его слова. Недостатки, которые он упомянул, бесспорно, должны были исчезнуть. И Харуна видела эти недостатки своими слабостями, пороками на пути.

Будучи лордом, девушка признавала, что в их связи с Канске можно было разглядеть слабость. Слабость, с которой Харуна готова была сейчас мериться.

И несомненно она должна была искоренить все пороки и тщедушия на этой стезе. На стезе, где она могла стать личностью, перед которой склонят головы все кланы. И чем больше она приближалась к цели, тем острее ощущалась необходимость в выборе. Между личной жизнью и долгом перед кланом...

Мысль эта еще не была сформирована, но её тени уже витали в закоулках сознания. У каждого свой путь, и Харуна, как и любой другой человек, должна была заплатить цену.

Наверное, почуяв в глубине души нарастающий вопрос, девушка отдалась полностью чувствам, которые готовы были впиться в неё, терзая изнутри.

— Канске...

Слова с трудом поддаются, ведь ей не так-то просто признаться в том, что она хотела открыть перед стратегом.

И время будто замерло для этих двоих. Парень догадывается, что тревожит его госпожу.

— Да?

Но Канске так же понимает и то, что Харуне надо высказаться. Дать отдушину, ведь иначе это сломит её окончательно.

— Мы потеряли около десяти тысяч воинов. Из них примерно у шести тысяч есть жены. И если в среднем у каждого воина по трое детей, то получается восемнадцать тысяч. В итоге, ровно тридцать тысяч душ. И это при том, что мы не берем в расчет ни родителей, ни братьев и сестер погибших воинов. Последствия этой битвы затронули многих...

— Харуна, не надо...

— Нет. Моя оплошность наказала столько людей. Мне... никогда не смыть эту вину...

Несмотря на скупую слезу, в душе Харуна была в отчаянии. Девушка понимала, что только с Канске она могла вести себя так. Ведь для многих Харуна была правителем и госпожой. И поэтому она не могла позволить себе быть слабой перед взорами своих людей.

Наматывая повязку, Канске отчетливо проговорил, и его слова, к удивлению девушки, отчасти сняли это тяжелое бремя.

— Это моя вина. Если ты хочешь обвинять в этом кого-то — вини меня. Ведь из-за моей стратегии мы оказались в такой ситуации.

Боль в спине начала постепенно исчезать. Закончив, Канске предстал перед ней, горячо смотря в глаза.

Хоть груди девушки были обнажены, их не заботила эта нагота. И ей казалось, что парень разделил её ношу.

— Ты победила, Харуна. В этой битве клан Такеда одержал верх. Никто не усомнится в этом.

— Да? Но тогда к чему эти слезы? — спросила Харуна шепотом.

Но парень не ответил, будто боясь, что их услышат другие. Словно тени могли донести всему миру о последствиях того сражения. И Харуна не хотела лгать, но другого выбора не было.

И каждый из них знал правду. Правду о том, во что обошлась им эта победа.

— Я сегодня же признаю вину, и никто не скажет о тебе худого слова...

Из глаз обоих беззвучно текли слезы. Они не плакали навзрыд, но и не могли остановить набежавшей слезы. Сидя перед ним, девушка испытывала чувство стыда. Но и попросить парня не делать этого, она не могла...

Канске вовремя накрыл её одеждой, как сразу же за этим до них донесся голос Нобуцуны.

— Учитель, Вас спрашивают...

Выйдя из шатра и оставив Харуну одну, Канске через минуту вошел обратно.

— Я должен идти...

— Случилось что-то серьезное?

— Нет. Возле лагеря собрались какие-то бродяги и хотят поговорить со мной о чем-то важном.

— О чем же?

Харуна понимает, что тянет время, не желая отпускать его.

— Ты не поверишь. Они хотят поговорить о Хатимане. И еще со мной жаждет пообщаться одна особа, намекнувшая, что прибыла из самой столицы.

— Ты ведь вернешься?

— Так сразу, как только смогу. Может, мне прислать кого-то, чтобы поухаживал за тобой?

— Не стоит. Я слишком утомилась и, думаю, будет лучше, если прилягу спать...

Сказав это, Харуна не испытывала уверенности в сказанном, ведь мысли могли не дать ей покоя. День только начинался...

Интерлюдия

Из-за нараспашку открытых сёдзи, в главном зале было прохладно. Но никто из вассалов не выражал недовольства.

Задерживая подолгу взгляда на лицах своих слуг, Ода Нобуна искала тени осуждения. Ведь,

несмотря на то, что убийство Нобуюки было подано как совершение сеппуку, слуги были далеко не дураки. Многие догадывались что к чему...

Люди провинции Овари только теперь начали осознавать с кем имели дело. И лорд клана Ода отнюдь не была наивна и уже тем более не заслуживала обидного прозвища «Дура из Овари».

За столь короткое время, ей удалось не только удержаться на престоле, но и укрепить свою власть. Не говоря уже об объединении провинции.

Вассалы сидели, не выражая эмоций, будто были высечены из камня. И лишь ближе сидящая девушка, одетая в фиолетовое кимоно, смотрела приветливо на Нобуну.

Нагахидэ Нива неспроста занимала место главного тактика клана. Всем был известен её мягкий нрав, но Нобуне отчего-то казалось, что всё это было напускным.

Когда дело касалось Нагахидэ, то трудно было сказать о её истинных мыслях.

— Итак, прежде, чем начать, я хочу поделиться новостью. Отныне Сагара Ёсихару будет служить мне так же, как и вы...

Ответом, девушке служило гробовое молчание.

Ёсихару, под пытливыми взглядами, занял место среди вассалов. Если некоторые смотрели на парня с легким интересом, то другие — с ненавистью.

За убийством Нобуюки, слугам виделось косвенное участие Ёсихары. Узнав, что вассалы подозревали парня в деле, Нобуна находила это забавным. И даже теперь на лице у юной правительницы клана Ода играет легкая улыбка.

В этом она видела иронию, так как Ёсихару был тем, кто всем сердцем хотел отвратить неизбежное...

— Инутиё Маэда будет обучать Ёсихару...

Молодая девушка поклонилась словам Нобуны. Она была юна, но, несмотря на свой возраст, в клане её уважали. Клан Маэда издревле отмечался хорошими бойцами, но Инутиё Маэда была лучшим, её по праву называли «мастер копья». Её часто также называли Ину, что означало «Собака».

Из всех вассалов Сибата Кацутіэ выглядит растерянно. Она всё еще не могла свыкнуться с убийством Нобуюки...

— Сару (Обезьяна), ты должен слушаться Ину (Собаку). Понял? — рассмеялась Нобуна.

Обозревая своих вассалов, девушка понимает, что после убийства Нобуюки, между ней и слугами оборвана нить. Теперь она знает, что от них не нужно ждать теплоты и сочувствия.

Но это и к лучшему. Слуги должны знать свое место. Ведь дружба с лордом может подтолкнуть их к ненужным мыслям...

Хоть вассалы и хранят молчание, но многие из них восхищены её волей. Ведь этим поступком, Нобуна заявила о себе, как о сильном лорде. Готового сокрушить кого угодно ради власти, ради клана...

— Через неделю мы выдвигаемся в Мино. Поможем нашему союзнику, Сайто Досану...

В провинции Мино, сын Сайто Досано возглавил мятеж против своего отца. Это известие не застало Нобуну врасплох, так как Ёсихару уже сообщил ей о такой вероятности.

И Нобуна опять изумилась наивности парня. Так как тот прибывал в заблуждении, думая, что Ода действовала только из-за симпатии к старику.

Решая вопросы клана, глупо действовать основываясь на личных интересах. Нобуне, конечно, более выгодно, если престол сохранится за Сайто Досаном, чем за его сыном, Сайто Ёситацу.

И девушка была готова помочь старику в войне против сына. Но внутренние разборки клана Сайто были неплохими возможностями для укрепления своего могущества...

Дорогие читатели, не забываем, что напрямую от ваших комментарии зависит не только скорость написания проды, но и качество произведения.

<http://tl.rulate.ru/book/2255/45065>